

2.3 О «всеприсутствии» и «внепорядочности» смерти

В понятийном анализе «смерти» именно философ проявляет необычайную инновативность и оригинальность. Историк никогда не будет подвергать понятие смерти *грамматическому* анализу, считая, что подобный анализ не внесёт никакого вклада в исторические процессы познания прошлого. Философ же делает это без труда.

Уже упомянутый нами Jankélévitch по праву замечает, что смерть никогда не является человеку «в первом лице», а она показывает себя только в третьем или втором лице. Смерть является нам как «она» или «ты», но не как «я». Смерть в первом лице остаётся человеку недоступной и непознаваемой, потому что, пока существует человек, смерти *ещё* нет, а когда смерть приходит, то тогда *уже* нет человека. Поэтому «одно из двух: или сознание, или присутствие смерти!»⁷⁸.

Но как точно эти *философские* рассуждения отражают сущность исторического процесса познания, в котором прошлое никогда не является нам в первом, а только во втором или третьем лице, т. е. в образе *другого*, даже если этот *другой* — моё собственное «Я». Прошлое моего «Я» — это «Я» и «не-Я». Это «Я», с которым я себя *идентифицирую* и которому я себя *противопоставляю*.

Взгляд человека в собственное прошлое напоминает взгляд в зеркало, в котором человек видит себя не таким, какой он «есть», а каким он «стал». Человек в состоянии «увидеть» в зеркале *больше*, чем оно ему «показывает». И это исключительная способность! Увидеть *больше* чем «есть», может только человек. Возможно, что именно по этой причине человек и имеет для себя *историю*.

⁷⁸ V. Jankélévitch. Указ. соч. С. 17.

Человек в состоянии «увидеть» в зеркале своё прошлое, но никак не будущее. Смерть же приходит из *будущего*. Если она и «присутствует» в *настоящем*, то лишь посредственно — в лице *другого*. И именно это её *посредственное* присутствие делает смерть «всеприсутствующей». Её «всеприсутствие есть иное наименование всеотсутствия!»⁷⁹. Его можно также обозначить как *присутствие* «а ргіогі», при котором «ничто не говорит мне о смерти, и всё говорит мне о ней; ничто не имеет к ней отношения, и всё имеет отношение к ней»⁸⁰.

Приход смерти, даже если его ждут, является всегда скоропостижным:

«смерть — это бездна, которая внезапно разверзается на пути неостановимой жизни: живущий вдруг, как по волшебству, делается невидимкой — в одно мгновение, будто провалившись сквозь землю, уходит в небытие»⁸¹,

говорит Jankélévitch. Своим внезапным и неожиданным приходом смерть нарушает установившийся порядок вещей. Но она, по мнению Jankélévitch(a), никак не находится «вне порядка», а «принадлежит совсем иному порядку, нежели интересы эмпирической реальности и мелкие заботы кратковременного бытия...»⁸².

Свой «внепорядочный» характер смерть проявляет и в истории.

⁷⁹ V. Jankélévitch. Указ. соч. С. 31.

⁸⁰ V. Jankélévitch. Указ. соч. С. 31.

⁸¹ V. J. Vladimir Jankélévitch. Указ. соч. С. 6.

⁸² Там же.

Достаточно вспомнить здесь факт смерти Ленина или Сталина, чей уход для кого-то был «безвременным», а для кого-то даже очень «своевременным». Кто-то сожалел об утере *старого*, а кто-то надеялся на установление *нового* «порядка». Однако каждый в этом случае понимал, что смерть радикально изменила расстановку политических сил и заново смешала все карты, открыв обществу новую перспективу развития. Смерть освобождает, устраняет, очищает... И в этом состоит её *историческая* функция.

Не случайно Schopenhauer (Шопенгауэр) считал, что в человеческой смерти проявляет себя *свобода*, потому что,

«если бы человек вечно жил, то в силу неизменности своего характера, он вечно и поступал таким же точно образом. Оттого он должен перестать быть тем, что он есть, для того чтобы из зародыша своего существа он мог возродиться как нечто новое и другое. И смерть разрывает эти узы, воля опять становится свободной, ибо не в ней, а в действии лежит свобода»⁸³.

К. Marx (К. Маркс) согласился бы с Schopenhauer(ом) в том, что человеческая свобода лежит в действии. Не случайно он подчёркивал, что «люди сами делают свою историю, но они делают её не так, как им вздумается» — добавим, что люди делают историю только до наступления их смерти как им вздумается — «и при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые

⁸³ «Lebte er immerfort; so würde er, vermöge der Unveränderlichkeit des Charakters, auch immerfort auf die selbe Weise handeln. Demnach muß er aufhören zu sein was er ist, um aus dem Keim seines Wesens als ein neues und anderes hervorgehn zu können. Daher löst der Tod jene Bande: der Wille wird wieder frei: denn im *Esse*, nicht im *Operari* liegt die Freiheit». 595 Шопенгауэр, А. Смерть и её отношение к неразрушимости нашего существа. Orig.: Schopenhauer, Arthur. Über den Tod und sein Verhältniß zur Unzerstörbarkeit unsers Wesens an sich. In: *Werke in zehn Bänden. Züricher Ausgabe*. Band 4, Zürich 1977, S.595.

непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁸⁴. Но некоторые обстоятельства, как например, «обстоятельство смерти», остаются абсолютно независимыми от людей, обрушиваются на них совершенно неожиданно, демонстрируя тем самым людям границы их «свобод».

К тем «свободам», которые проявляют себя независимо от человека, люди чаще всего относятся с большим недоверием. Человек относится с подозрением ко всем процессам и событиям, которые нарушают «естественный порядок» его жизни. А одинокий след правой ноги на песке, без отпечатка противоположенной левой ноги, без всяких других отпечатков ног в окружении сотен метров, явно «нарушает» ...

Подобный «след» вызывает у человека одно лишь изумление, замечает Sibille Kremer (Сибилле Кремер), потому что «след» может от нас что-то скрывать, но он не должен сбивать нас с толку, исключая всякую возможность своего познания. «В одном нет никаких сомнений: мы можем тот порядок, который был создан в процессе чтения следа, охарактеризовать как структуру, состоящую из множества взаимосвязанных элементов»⁸⁵. К анализу этих элементов мы сейчас с Вами и обратимся⁸⁶.

⁸⁴ В оригинале: «Die Menschen machen ihre Geschichte, aber sie machen sie nicht aus freien Stücken, nicht unter selbstgewählten, sondern unter unmittelbar vorgefundenen, gegebenen und überlieferten Umständen». K. Marx. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. In: Karl Marx/Friedrich Engels. Studienausgabe in IV Bänden. Bd. IV: Geschichte und Politik. Frankfurt a. M. 1990. S. 337.

⁸⁵ «der Abdruck eines einzelnen rechten Fußes am Strand, ohne linkes Gegenstück, ohne Vorläufer oder Nachfolger irritiert. Eines ist klar: Wir können die im Spurenlesen erzeugte Ordnung auch als ‚Netzwerk‘ charakterisieren: Es ist meist mehreres, das sich zur Spur (zusammen)fügt». Krämer, Sybille: Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? Eine Bestandsaufnahme. In: Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S./Kogge, W./Grube, G. Frankfurt am Main 2007. S. 19.

⁸⁶ Блестящий анализ Sybille Krämer 10 главных признаков следа читатель найдёт в её вышеназванной работе «Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle?», опубликованной в рамках уже упомянутого сборника «Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S./Kogge, W./Grube, G. Frankfurt am Main 2007. S. 15 - 19.